

Писаревский Н. Н. Полтора года в Берлине: (Заметки о религиозной и общественной жизни) // Богословский вестник 1897. Т. 3. № 9. С. 290–310 (2-я пагин.). (Окончание.)

Полтора года въ Берлинѣ.

(Замѣтки о религиозной и общественной жизни).

(Окончаніе)¹⁾.

При наблюденіяхъ общественной жизни приходится отмѣтить, что изъ основныхъ чертъ народа, прежде всего, поражаютъ самыя грубыя, внѣшнія черты его. И въ нѣмцѣ какъ-то незамѣтно бросается въ глаза его грубость. Но это вовсе не говоритъ за то, что нѣмецъ грубъ по природѣ; нѣтъ, это грубость именно чисто внѣшняя, такая же, какъ общезвѣстная легкомысленность француза. Быть можетъ, это чисто внѣшнее качество нѣмца дѣлаетъ его несимпатичнымъ, неприятнымъ и жесткимъ; но пужпо все же признался, что нѣмцевъ не стараются понять, какъ слѣдуетъ. Имъ не достаеетъ представительности, не смотря на ихъ могущество, у нихъ нѣтъ истаго благородства, они, прежде всего, выскочки, а какъ-бы ни былъ добродѣтеленъ выскочка, онъ никогда не будетъ привлекательнымъ. Это, главнымъ образомъ, не располагаетъ къ нѣмцу. Онъ самъ считаетъ себя „homo germanus“, желаетъ, чтобы и другіе его считали такимъ же. Однако, при болѣе близкомъ знакомствѣ, этотъ внѣшній признакъ нѣмца ступшевывается: изъ подъ внѣш. ей грубости—часто свѣтитъ привѣтливость, готовность оказать услугу, удивительное трудолюбіе и умѣнье твердо стоять предъ самыми тяжелыми случайностями.—Для наблюденій, прежде всего, доступна внѣшняя форма жизни. Въ общемъ жизнь Берлина мало отличается отъ другихъ большихъ городовъ. Обращеніе другъ съ другомъ лишь гораздо сердечнѣе и дружественнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ немъ нѣтъ

¹⁾ См. Б. В. Май.

ни щепетильной вѣжливости, ни холодности, а потому знакомства здѣсь часто завязываются съ первой случайной встрѣчи и переходятъ въ дружбу. Нѣмецъ никогда не надсмѣется надъ ломаной нѣмецкой рѣчью: онъ выслушаетъ васъ съ полнымъ вниманіемъ и отвѣтитъ насколько можно понятнѣе. Не обидится также, если вы отступите отъ принятыхъ здѣсь формъ вѣжливости: онъ понимаетъ, что трудно человѣку быстро узнать всѣ установившіяся формы, а потому онъ очень снисходителенъ. Да и вообще внѣшнія формы вѣжливости здѣсь не такъ требуются и строго соблюдаются, какъ въ другихъ городахъ. Но за то, какъ процвѣтаетъ здѣсь титулованіе! Почти никого: мужчину ли, даму ли не называютъ по имени. Не рѣдкость, что нѣсколько лицъ титулуютъ другъ друга все время „г. тайный совѣтникъ“ или „г. докторъ“, такъ—что только по взгляду можно догадаться съ кѣмъ говорятъ. Жену титулуютъ по мужу, причемъ нельзя сказать просто „госпожа“, но всегда съ прибавленіемъ прилагательнаго „милостивая“ („gnädige Frau“). Различныя положенія въ жизни здѣсь уживаются одно съ другимъ какъ нельзя лучше. То, что рассказывается о прусской военщинѣ, теперь встрѣчается очень рѣдко и то въ маленькихъ городкахъ. Конечно, типъ прусскаго лейтенанта и теперь мало симпатиченъ и безупреченъ, но онъ всеже гораздо добродушнѣе, чѣмъ его изображаютъ. Посмотрите на этого лейтенанта въ службѣ чиновника: это образецъ вѣжливости. Во всякомъ правительственномъ учрежденіи вы встрѣтите полную вѣжливость и предупредительность: васъ не заставятъ по цѣлымъ часамъ стоять и ждать лишь для того, чтобы услышать: „присутствіе закрывается“, не придержатся къ какой-нибудь неточности въ вашей бумагѣ, а если и замѣтятъ ее, то при васъ же исправятъ ее—и все это безъ всякихъ хлопотъ съ вашей стороны. Вамъ не придется при этомъ пройти цѣлый курсъ мытарствъ отъ сторожа и далѣе,—нѣтъ, здѣсь полное уваженіе къ личности. Если вамъ придется по вашему дѣлу ходить по нѣсколькимъ отдѣленіямъ извѣстнаго присутственнаго мѣста, вы не будете беспомощны, затрудняясь куда идти. Помимо надписей, разъ замѣтятъ, что вы иностранецъ, пошлютъ съ вами служителя, который будетъ указывать вамъ все до окончанія вашего дѣла. При этомъ,

будьте покойны: онъ не попроситъ чаю: дадите сами—поблагодаритъ; не дадите—не нагубитъ и не обругаетъ. Это сразу располагаетъ прїѣзжаго челоѣка къ нѣмцу и изглаживаетъ первое впечатлѣніе отъ его грубости,

Если наблюдать очень внимательно жизнь отдѣльныхъ кружковъ берлинскаго общества, то нельзя, конечно, не замѣтить, что желаніе показать себя, завязать и поддержать связи, желаніе имѣть доступъ къ вліятельнымъ особамъ, играютъ здѣсь не меншую роль, чѣмъ гдѣ-либо. Замѣтно также, что тонкая, непрерывная обоюдная лесть, есть здѣсь та же, что и у насъ. Различіе лишь въ формѣ ея: у насъ форма лести много грубѣе, отзывается какой-то прииженностью, низкоклонствомъ, тогда какъ здѣсь она настолько изящна, что не рѣжеть по уху, и выслушивается и возвращается въ самой деликатной формѣ. Она звенитъ во всѣхъ углахъ комнатъ между присутствующими, но звонъ ея прїятный, вѣжливый, не дающій повода возвышаться одному предъ другимъ. Иногда возникнетъ споръ, кто-нибудь сдѣластъ въ немъ безтактность; но это не нарушитъ общаго порядка. Одно учтивое замѣчаніе—и виновный самъ быстро умѣритъ свой пылъ. Это показываетъ лишь, что здѣсь еще нѣтъ той свѣтской выдержанности, при которой всѣ люди вмѣстѣ съ принятой формою одежды составляютъ одно безцвѣтное цѣлое. Что придаетъ здѣшнему обществу особый интересъ для челоѣка чужестранца, это необыкновенное разнообразіе и обиліе матеріала для разговора. Оно происходитъ отъ различія въ образованіи и возрѣвнїи на жизнь собесѣдниковъ Берлинское общество состоитъ лишь изъ малой части коренныхъ берлинцевъ. Притягательная сила Берлина такъ велика, что все, что стремится болѣе или менѣе впередъ, поселяется здѣсь. Отсюда громадное разнообразіе типовъ, среди которыхъ коренной житель Берлина представляетъ самый интереснѣйшій. Критическое отношеніе ко всему, смѣлое до дерзости, остроумное въ выраженіи, придаетъ его рѣчамъ манеру разсудочности, рѣзко приправленной солью остроты. Но все это не мѣшаетъ ему приближаться къ общечеловѣческому типу, то съ бодрымъ, пропитательнымъ духомъ Лютера, то съ глубокой геніальной ученостью, свойственной нѣмецкой расѣ, то съ трогательнымъ добродушіемъ

юношества, неиспорченнаго грязью жизни, то съ неудержимымъ рвеніемъ на поприщѣ общечеловѣческой любви, то съ изумительной честностью и юморомъ угловатой натуры. Стоитъ побывать вечеромъ въ какомъ-нибудь „локаль“ (ресторанѣ), полномъ посѣтителями, начиная отъ двухлѣтняго ребенка и до старика, послушать разговоръ, чтобы убѣдиться въ живости, свѣжести и непринужденности темъ разговора. Здѣсь же собираются и различные „фѣрейны“. Вотъ, для примѣра, вы попали въ „фѣрейнь“ врачей: самое естественное, что вы думаете услышать разговоры о медицинѣ, ея развитіи, новыхъ методахъ; но вы глубоко ошибетесь. Ни слова о медицинѣ! Рѣчь идетъ о вопросахъ исторіи и притомъ на французскомъ языкѣ. Каждый свободно высказываетъ свой взглядъ, который критикуется прочими. „Локаль“—это универсальный домъ современной нѣмецкой жизни. Страшная дороговизна жизни заставляетъ нѣмца изыскивать способы съэкономить лишнюю марку. Онъ идетъ сюда со всей семьей, имѣетъ возможность провести весело время, поговорить о всемъ и вмѣстѣ съэкономить 50—60 пфениговъ на отопленіи. „Локаль“—это не нашъ трактиръ, куда совѣтится зайти порядочный человѣкъ; нѣтъ, сюда свободно идетъ и молодая дѣвушка и отецъ семейства безъ всякаго стыда. Здѣсь нѣтъ мѣста безобразной сценѣ пьянства, или нахальства со стороны посѣтителя: полное приличіе, живой разговоръ, масса газетъ—даютъ полную возможность за самую скромную цѣну (20—30 пф.) отдохнуть каждому послѣ тяжелаго дневнаго труда, освѣжиться среди, не имѣющаго ничего общаго съ дневными трудами, разговора, прочитать свѣжую новость, занимательную статью и выйти бодрымъ и готовымъ къ новымъ трудамъ жизни.—По этого мало, чтобы заполнить духовное содержаніе жизни. Человѣку нужно иногда болѣе существенно встряхнуть себя, доставить себѣ эстетическое удовольствіе. Все это въ Берлинѣ къ услугамъ каждаго. Масса театровъ, въ которыхъ собрано все, что есть лучшаго въ театральномъ мірѣ, масса концертовъ и концертныхъ залъ даютъ возможность каждому доставить себѣ удовольствіе. Да притомъ еще посѣтитель не рискуетъ ни своимъ карманомъ—въ видѣ тройной платы за мѣсто,—ни возможностью получить вмѣсто наслажденія лишь искусственную

поддѣлку. Игра всегда безукоризненна; а концерты могутъ удовлетворить самый прихотливый и придирчивый вкусъ. Ко всему этому нужно еще прибавить, что здѣсь царить полная простота, каждый чувствуетъ себя какъ дома и не нуждается быть парадной, наряженной куклой.

Что особенно поражаетъ, при наблюденіи проявленій жизни въ Берлигѣ это широкая постановка народнаго образованія и образованія вообще. Всѣ дѣти обязаны посѣщать школу, и если кто-либо изъ родителей забудетъ послать своего ребенка въ школу, то ему тотчасъ напомнятъ объ этомъ. При дальнѣйшемъ упорствѣ, родители подвергаются штрафу и понужденію чрезъ полицію посылать ребенка въ школу. Школьная жизнь здѣсь начинается очень рано: съ 6-ти лѣтъ ребенокъ обязанъ посѣщать школу. Нормальный курсъ народной школы восемь лѣтъ, т.-е. съ 6-ти лѣтъ и до 14-ти. Дѣло поставлено такъ, чтобы не обременять ребенка, приноравливаться къ его силамъ и не внушать ему страхъ предъ ученіемъ. Занятія бывають утромъ и вечеромъ, смотря по времени года. Между уроками идутъ гимнастическія занятія, и забота о физическомъ развитіи дѣтей здѣсь не менѣе, чѣмъ объ умственномъ. Школы устроены по всѣмъ правиламъ гигиены: просторныя, чистыя, свѣтлыя, съ широкими лѣстницами, чтобы дѣти не толпились при входѣ и выходѣ. Весело видѣть, какъ дѣти идутъ изъ школы довольные, бодрые, радостные; они какъ бы и не чувствуютъ трудностей школы ¹⁾). Единственное пятно на фонѣ нѣмецкой школы—это тѣлесныя наказанія, которыя практикуются и въ начальной школѣ и въ гимназіяхъ до 4-го класса включительно ²⁾). Эти наказанія не есть

1) Нужно замѣтить, что дѣти здѣсь уже съ самаго ранняго возраста обставлены такъ, что переходъ ихъ къ школѣ почти не замѣтенъ. Съ 6-ти мѣсяцевъ жизнь ребенка проходитъ почти все время на улицѣ. Лѣтомъ вы напрасно будете стараться найти хоть одного ребенка въ квартирѣ: они все въ скверахъ, гдѣ устроены дѣтскія игры, которыя организованы такъ, что составляютъ подготовительную ступень къ школѣ. Зимой, особенно у бѣдныхъ, дѣти постоянно въ дѣтскихъ приютахъ (Kindergarten), гдѣ за самую ничтожную плату принимаютъ дѣтей на весь рабочій день. Нѣмецкій ребенокъ не избалованъ, онъ приученъ къ труду и порядку, а потому школьная дисциплина для него вѣтъ не тяжела.

2) Счетъ классовъ въ Германіи ведется иначе, чѣмъ у насъ, т. е. идетъ

произволь преподавательскаго персонала: овѣ дозволены закономъ. Дать за проступокъ нѣсколько ударовъ палкой по рукамъ, отодрать ученика за ухо или за волосы, или надавать ему пощечинъ—здѣсь дѣло самое обыкновенное и въ претензіи за это никто не будетъ. Курсъ народной школы поставленъ такъ, что позволяетъ послѣ окончанія сдѣлаться самостоятельнымъ лицомъ, и обыкновенно вчерашній питомецъ школы—тотчасъ вступаетъ на арену жизни и добываетъ самъ себѣ средства къ ней¹⁾. — Хорошо поставлена нѣмецкая школа въ отношеніи къ физическому развитію ребенка. Ребенокъ выходитъ изъ нея совершенно здоровымъ. Здѣсь слѣдятъ за дѣтми очень строго, наблюдаютъ чисто съ нѣмецкой предусмотрительностью за ними, и разъ замѣтятъ, что кто-либо слабъ, принимаютъ всѣ мѣры, чтобы улучшить состояніе его здоровья. Съ этою цѣлью въ Берлинѣ существуетъ „общество лѣтнихъ колоній для бѣдныхъ дѣтей“, которое и заботится о больномъ ребенкѣ, отправляетъ его на минеральныя воды, или на морскія купанья²⁾. Въ прошломъ году изъ Берлина было отправлено такихъ дѣтей болѣе 5000 человекъ и всѣ они возвратились болѣе здоровыми и способными вновь приступить къ занятіямъ³⁾. Успѣхъ лѣтнихъ колоній въ этомъ отношеніи замѣчательный; но не менѣе замѣчательна и умѣлая организація ихъ. У общества есть цѣлый рядъ мѣстныхъ, участковыхъ комитетовъ, собирающихъ пожертвованія и намѣчающихъ дѣтей, нуждающихся въ лѣтнемъ отдыхѣ. Это позволяетъ обществу

сверху—внизъ, а не снизу—вверхъ. Такъ, напр., пяти 8-ой нѣмецкій 1-й; нашъ 1-й—нѣмецкій 8-ой. Также считаются и баллы: высшій 1.—худшій 5.

1) Хорошей постановкѣ учебнаго дѣла способствуетъ хорошее вознагражденіе учителямъ. Въ Берлинѣ учителя получаютъ отъ 2500 до 3500 марокъ. въ селахъ отъ 900—1620 м.— это не особенно много, но для русскаго учителя это все-же недостижимая вещь, мечта.

2) Что можетъ быть страннѣе, какъ дать ребенку, выросшему въ городѣкомъ подвалѣ возможность пользоваться горнымъ воздухомъ или купаться въ морѣ! Послѣ этого дѣти не узнаваемы: блѣдныя щѣки покрываются румянцемъ, глаза смотрятъ весело, угаслость и апатія исчезаютъ совершенно.

3) Многимъ колоніи причю спасли жизнь. И какъ въ сущности не дорого спасти человека! Въ самыхъ дорогихъ мѣстахъ ребенокъ обходится обществу въ 2 марки, а на Балтійскомъ морѣ и въ Силезіи полный пансіонъ ребенка не превышаетъ 1-ой марки въ день.

не упускать изъ вида своихъ маленькихъ питомцевъ и даже въ теченіе зимы снабжать ихъ болѣе здоровой пищей, одеждой, лекарствами и, при случаѣ, подавать немедленную медицинскую помощь. Жители Берлина сочувственно относятся къ дѣятельности общества, благодаря чему его дѣятельность принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Почти 200 врачей отдаютъ свои услуги обществу безъ всякаго вознагражденія.

Очевъ симпатична дѣятельность другого общества, которое ставитъ своей задачей поддерживать ингересъ къ образованію и упрочивать знанія, пріобрѣтенныя въ школахъ, именно— „Общества распространенія народнаго образованія“. Это общество всюду учреждаетъ народныя читальни и старается дать народу возможность удовлетворять свои умственные запросы. Изъ дѣятельности этого общества можно видѣть, какъ много можно сдѣлать сравнительно небольшими средствами, если эта дѣятельность въ пользу просвѣщенія народа развивается безпрепятственно и при содѣйствіи лучшихъ интеллигентныхъ силъ населенія. Достаточно сказать, что это общество имѣетъ болѣе 200 читаленъ, благодаря которымъ открытъ всякому доступъ къ своему дальнѣйшему развитію. Въ этомъ направленіи работаетъ и Берлинская дума. Она учредила при одной изъ старѣйшихъ городскихъ библиотекъ, имѣющей до 15 тысячъ томовъ книгъ, также читальню, въ которой находится болѣе 60 газетъ и журналовъ. Дума пришла уже къ твердому убѣжденію не останавливаться на этомъ, но создать цѣлый рядъ такихъ читаленъ, считая это прямымъ долгомъ богатаго и просвѣщеннаго города.—Но еще болѣе будетъ сдѣлано въ этомъ отношеніи кружкомъ Берлинскихъ профессоровъ, которые выработали „проектъ народнаго университета“ и скоро выступятъ съ лекціями для народа по естествознанію, политической экономіи, философіи, исторіи и богословію въ разныхъ частяхъ города, особенно же въ предмѣстьяхъ. Говорить о пользѣ такихъ читаленъ, библиотекъ и лекцій для народа нѣтъ нужды: это понятно само собой.

Не останавливаясь на подробностяхъ преподаванія средней германской школы, нужно сказать, что ея главное достоинство—умѣнье расположить образовательный матеріалъ такъ, чтобы онъ не подавлялъ воспитанника и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучалъ его мало-по-малу къ самостоятельности. От-

сюда, при окончаніи школы, воспитанникъ уже не колеблется въ выборѣ пути: его склонность къ той или другой сферѣ науки уже сложилась и онъ идетъ по торной дорогѣ къ намѣченной цѣли. Важно здѣсь также и то, что германская средняя школа не налагаетъ своей дисциплинарной узды на частную жизнь питомца. Въ частной жизни онъ совершенно свободенъ отъ этой дисциплины: воспитанникъ можетъ идти куда угодно, не боясь встрѣтиться съ суровымъ начальническимъ окомъ. Говорить много о пользѣ такой постановки дѣла не приходится. Само собой понятно, что живое общеніе съ жизнью вліяетъ гораздо лучше всякой дисциплины. Общество—лучшая дисциплина для молодыхъ людей, а семья—лучшая защита противъ соблазновъ. Симпатично въ средней германской школѣ еще и то, что наставники не ограничиваются въ ней только сухимъ, книжнымъ изложеніемъ предмета. Каждый изъ нихъ считаетъ своей непремѣнной обязанностью свести своихъ питомцевъ въ тотъ или другой изъ Берлинскихъ музеевъ, гдѣ есть вещи, касающіяся его предмета, и наглядно показать все то, что говорилось на словахъ. Самыя письменныя упражненія воспитанниковъ соотвѣтствуютъ этому способу преподаванія и каждый учитель даетъ ту тему, съ которой воспитанникъ ознакомился и теоретически и практически.

Главная особенность высшихъ германскихъ школъ—свобода;—свобода преподаванія и свобода изученія вообще. Первая даетъ возможность профессору самому выработать программу своего предмета, ясное пониманіе предмета во всей его цѣлости и свободный выборъ метода, за который онъ несетъ всю отвѣтственность. Совершенно также свободно и студентъ избираетъ и свой предметъ, и профессора и методъ работы, за который онъ отвѣчаетъ самъ, смотря потому, насколько этотъ методъ является удовлетворительнымъ при изученіи. Повидимому, такая постановка дѣла допускаетъ произволь со стороны профессора въ выборѣ метода и трудность примѣняться къ нему, со стороны учащагося. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Первое устраняется стремленіемъ профессора улучшить свое положеніе въ профессорскомъ мірѣ, при посредствѣ научныхъ трудовъ,—какъ результатовъ избраннаго метода,—а второе тѣмъ, что самъ студентъ сдерживаетъ себя въ сво-

емъ произволь. Нуждаясь въ совѣтахъ профессора, студентъ чаще всего и работаетъ по методѣ профессора; а для даровитаго человѣка, съ самостоятельнымъ взглядомъ, разные пути всегда одинаково хороши, такъ какъ такой человѣкъ всегда найдетъ, что ему нужно. Послѣ четырехъ-пяти полугодій, продѣлавши всѣ работы и „прослушавши полный курсъ лекцій“, студентъ беретъ у профессора тему для полученія степени доктора той или другой отрасли знанія. Это самый важный моментъ въ жизни студента, потому что имъ опредѣляется дальнѣйшая его дѣятельность. Тема берется, по большей части, изъ отрасли того предмета, надъ которымъ работаетъ профессоръ; но студентъ не ограничивается этой областью специальности. Онъ разрабатываетъ и изслѣдуетъ свою тему детально, разсматриваетъ всѣ научныя основанія для нея, и этимъ путемъ приобретаетъ гораздо большія свѣдѣнія, чѣмъ изъ лекцій. Когда его трудъ будетъ признанъ удовлетворительнымъ, онъ готовится къ экзамену, который не особенно продолжителенъ и тщателенъ. Вообще экзамену не придается большого значенія, такъ-какъ экзамень признается далеко не совершеннымъ способомъ сужденія о познаніяхъ и способностяхъ человѣка. Главная задача экзамена — дать студенту возможность обнаружить болѣе широкія познанія, чѣмъ тѣ, которыя обнимаетъ тема его диссертациі, а потому рѣдко случается, чтобы студентъ, работа котораго признана удовлетворительною, не выдержалъ экзамена. По окончаніи курса, студентъ также сохраняетъ свободу выбора той или иной дороги. Онъ отдается всей душой той или другой спеціальной вѣтви изъ области изученной имъ науки, гдѣ уже проявляетъ свою дѣятельность, судя по способностямъ, или въ видѣ лишь спеціальнаго знатока извѣстной научной вѣтви, или же въ видѣ талантливаго ученаго, сумѣвшаго открыть новые пути, въ достиженіи намѣченной цѣли.

Къ общему стремленію германской науки идти быстрыми шагами впередъ, не остались равнодушны и женщины. Онѣ также стали домогаться доступа въ святилище науки на равныхъ правахъ съ мужчинами. Особенно рѣзко сказалось это движеніе послѣ „интернаціональнаго женскаго конгресса

въ Берлинѣ“¹⁾). Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ движеніи, не лишнимъ будетъ попытаться составить характеристику нѣмецкой женщины, ея положенія и стремленій, какія обнаружены ею въ послѣднее время. Можно съ увѣренностью сказать, что лучшія качества нѣмецкой расы являются намъ въ болѣе чистомъ видѣ среди женщинъ, не особенно возвышающихся своимъ образованіемъ надъ общимъ уровнемъ народа, но въ которыхъ врожденная прямота чувствъ сохранилась въ цѣльномъ видѣ, облагороженномъ культурой. Главнѣйшая особенность ихъ мягкосердіе, доброта и расчетливость. Вся безхитростная жизнь ихъ заключается въ постоянномъ самопожертвованіи собой для мужа и дѣтей, для семьи, составляющей для нихъ все. Для нихъ не существуетъ, строго говоря, ни государства, ни страны. Ихъ доброта не имѣетъ ни характера доброты нашей простолюдинки, ни практическаго направленія англичанки, ни сердечной горячности юга; доброта нѣмки—чувство глубокое и широкое, словообильное и словоохотливое, самосозерцательное и въ извѣстномъ смыслѣ самодовольное. Чувствительность не только принадлежность чувствительно настроенной отъ природы нѣмки, она радость ея жизни. Сдержанность во внѣшнемъ проявленіи чувства—здѣсь очень рѣдка. Нѣмка мало пугаетъ возможность показаться смѣшнымъ и еще менѣе пугаетъ его излишекъ приторности въ проявленіи чувства. Смѣются здѣсь мало, но тѣмъ сильнѣе за то страсть выставлять свои чувства на показъ. Отсюда и та характерная и въ тоже время въ высшей степени національная особенность нѣмки вѣчная, суетливая заботливость и ухаживаніе за мужемъ, скорѣе тягостная для него, чѣмъ приятная. Еще до выхода замужъ, она непременно должна, по крайней мѣрѣ, три недѣли заниматься въ кухнѣ, подъ руководствомъ пожилой дамы, должна изучить весь порядокъ повареннаго искусства и разстановки кухонныхъ предметовъ. Горе молодой хозяйкѣ, если она не изучила его: она дѣлается посмѣшищемъ со стороны всѣхъ. Она должна умѣть готовить всѣ любимыя нѣмецкія кушанья и этимъ проявлять свою заботливость о мужѣ, въ

¹⁾ Der internationale Kongress für Frauenwerke und Frauenbestrebungen in Berlin 19 bis 26 September 1896. Berlin, 1897.

которомъ она видитъ еще болѣе закрѣпощенную ей бракомъ собственность, чѣмъ дѣти. Отсюда, практическіе разсчеты, взвѣшлванія и соображенія—любимый предметъ ея бесѣды и размышленій. Она настойчиво требуетъ безпрекословнаго повиновенія и строгаго отчета во всемъ. Въ ней таится богатый запасъ энергіи, которую она проявляетъ въ неусыпномъ надзорѣ надъ дѣйствіями и образомъ жизни семьи и еще болѣе прислуги. Эта энергія женскаго характера въ высшей степени послѣдовательна во всѣхъ обстоятельствахъ жизни: въ ней много твердости, но много и скрытой трусости. Женщина-нѣмка трепещетъ предъ мужемъ, но правитъ домою столь твердой рукой, что прислуга еще болѣе трепещетъ предъ ней. При всемъ этомъ еще рѣзко бросается въ глаза общія всѣмъ нѣмкамъ особенность: полный недостатокъ всякаго кокетства. Эротическія наклонности какъ будто совершенно чужды ихъ характеру, и разговоръ съ ними врядъ-ли можетъ возбудить въ комъ-либо чувственные порывы. Самая красота ихъ—мертвая, холодная красота. Но это вовсе не служитъ указаніемъ на отсутствіе легкости нравовъ. Напротивъ, примѣры разшатанности нравовъ среди даже женщинъ здѣсь столь часты, что дѣти до замужества—самое естественное явленіе, и „Fräulein mit zwei Kindern“ столь общее явленіе, что его почти и не замѣчаютъ. Любопытно лишь замѣтить, что самая легкость здѣшнихъ нравовъ носятъ на себѣ тотъ-же отпечатокъ простоты и безыскусственности, который отличаетъ собой всѣмъ извѣстную солидную степенность нѣмецкаго характера вообще. Эта простота и безыскусственность доходятъ во всемъ, что касается легкости нравовъ общества, до поразительнаго, по своей грубости, цинизма. Если гдѣ-либо на свѣтѣ запретная страсть лишена самаго подобія благородства, то это здѣсь. Если гдѣ-либо порокъ чуждъ всякой прелести и обольщенія—это въ Берлинѣ. Цѣломудріе здѣсь очень условное позятіе; страсть переходитъ тотчасъ-же въ порокъ, а порокъ въ цинизмъ.

Не смотря на такія условія жизни, женскій вопросъ въ Берлинѣ за послѣднее время началъ двигаться впередъ и интеллектуальныя способности нѣмецкой женщины въ области науки и знанія значительно возрасли. По запасу знаній, берлинка стоитъ теперь выше, чѣмъ сѣверянка, срав-

нительная широта и разнообразіе ея женскаго опыта даетъ ей возможность сознательнѣе усвоить и проводить тѣ стремленія, которыя немного ранѣе такъ и оставались лишь въ области бесплодныхъ стремленій. Женщины въ Берлинѣ теперь имѣютъ высшія женскія школы, которыхъ не было ранѣе, имѣютъ право подвергаться государственному экзамену зрѣлости и даже имѣютъ доступъ въ университетъ. Первые нѣмецкія гимназистки на аттестатъ зрѣлости прошли съ блестящимъ успѣхомъ. Всѣ онѣ сдали съ отличіемъ экзамены, которымъ онѣ подвергались наравнѣ съ выпускными гимназистами, безъ малѣйшаго послабленія. Просьбы гимназистокъ о зачисленіи ихъ студентками не остались безъ послѣдствій. Имъ разрѣшено поступать слушательницами въ Берлинскій университетъ и сельско-хозяйственную Академію, правда, съ согласія ректора въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Интересно, по этому поводу, привести мнѣніе профессора А. Вагнера, бывшаго (въ 1896 г.) ректора Университета, и далеко не безусловнаго сторонника женскаго движенія. Ему, какъ ректору Берлинскаго университета, приходилось ближе присматриваться къ дѣвушкамъ, которыя ищутъ доступа въ аудиторіи. Объ одной изъ нихъ, притомъ-же русской, которая была его слушательницей, онъ отозвался такъ:— „я могу засвидѣтельствовать, что эта дѣвушка талантливѣйшая, образованнѣйшая и усерднѣйшая изъ всѣхъ студентовъ, какихъ я имѣлъ въ теченіе моей продолжительной педагогической дѣятельности“. И не одинъ Вагнеръ судитъ такъ благопріятно о женскомъ высшемъ образованіи. Медики, юристы, философы и богословы приходятъ къ выводу, что культура, нравственность и семейная жизнь лишь выиграютъ отъ расширенія умственнаго кругозора женщины, что невозможно оспаривать, что женщины способны къ высшему образованію, послѣ того какъ сотни дѣвушекъ всѣхъ странъ доказали это на дѣлѣ. Профессоръ богословія Соденъ, выступая противъ противниковъ образованія женщинъ, говоритъ: „на какихъ шаткихъ началахъ, по нашему мнѣнію, зиждется семейная жизнь, если свѣтъ знанія можетъ ее разрушить! Будь это такъ, не стоило-бы защищать семью. Я однако лучшаго мнѣнія и о семьѣ, и о женщинахъ, и о мудрости Творца, раздѣлившаго человечество по полу. Обра-

зованіе только укрѣпить семью и дать памъ матерей, серьезно и всесторонне подготовленныхъ къ своему высокому призванію“. Конечно, еще вопросъ о свободномъ доступѣ германской женщины къ высшему образованію далеко не разрѣшенъ, онъ еще только представляетъ первую попытку добиться справедливости, встрѣчаетъ даже противодѣйствіе еще отъ многихъ лицъ. Такъ, не смотря на болѣе благопріятныя условія его въ настоящемъ, ректоръ Берлинскаго Университета Бруннеръ не разрѣшилъ женщинамъ въ стѣнахъ университета прочитать лекцію „о границахъ мужской и женской дѣятельности“ лишь потому, что женщины, на его взглядъ, не слѣдуетъ читать рефераты студентамъ, а профессоръ русской Исторіи Д-ръ Шиманъ рѣзко и грубо заявилъ, что не потерпитъ въ своей аудиторіи женщины ¹⁾. Но это уже не можетъ остановить то движеніе, которое глубоко захватило жизнь германскаго народа въ настоящемъ и, въ частности, германской женщины. На конгрессѣ въ Берлинѣ это движеніе сказалось уже какъ требованіе женщинъ себѣ равной доли въ правахъ и обязанностяхъ, причемъ, не смотря на новизну женскаго движенія, здѣсь встрѣчалось уже столько талантливыхъ, умныхъ и образованныхъ женщинъ, что онѣ слѣдили-бы честь любому мужскому собранію. Это, конечно, еще только начало борьбы, милліоны еще женъ и матерей не пробудились, но онѣ будутъ разбужены: недовольство настоящимъ, стремленіе къ лучшему будущему—мать всякаго прогресса, рычагомъ котораго служить образованіе. Среди темъ, предложенныхъ на конгрессѣ, многія затрогивали столь важныя стороны, что съ ними приходится считаться въ жизни, приходится сознаться, что женщины гораздо яснѣе сознаютъ тѣ язвы, которыя разъѣдаютъ общественный организмъ. Стоило только послушать рефератъ о публичной безнрав-

1) Впрочемъ, и къ счастью женщинъ. Тотъ, кто прослушаетъ двѣ-три лекціи русской исторіи у этого остзейскаго выходца, и кто мало-мальски знакомъ съ русской исторіей, выноситъ тяжелое впечатлѣніе. Грубая ложь, намеренное искаженіе фактовъ, желаніе вызвать лишь грубыя насмѣшки назъ Россіей, безъ дѣйствительнаго знанія русской исторіи, — вотъ вся сущность его лекцій. По части подобнаго отношенія къ Россіи и православію съ нимъ можетъ поспорить лишь Германъ Дальтонъ въ своемъ сочиненіи „Der Standismus in Russland“. Gütersloh, 1896.

ственности и борьбѣ съ нею, чтобы быть благодарнымъ тѣмъ смѣлымъ женщинамъ, которыя рѣшились снять покровъ съ отвратительнаго явленія, принадлежащаго къ позорнѣйшимъ пятнамъ цивилизованнаго общества. Вотъ мысли одной изъ референтокъ: „мыслящая женщина съ ужасомъ думаетъ о томъ морѣ грязи и разврата, какой разъѣдаетъ жизнь. Она не броситъ камнемъ въ продажную женщину, ибо это ея несчастная сестра, жертва общественнаго порядка. Многія дѣвушки вынуждены продавать себя ради куска хлѣба, и въ головахъ крѣпко сидитъ предрасудокъ, что существуетъ двойная мораль: одна для мужчинъ, другая для женщинъ. Въ нынѣшнемъ обществѣ въ дѣйствительности существуетъ полигамія, самая безсовѣстная, какую только знаетъ человѣчество, а мы все еще закрываемъ глаза, говоримъ о чистотѣ брака, когда 99% мужчинъ вступаютъ въ него безъ уваженія къ женской чистотѣ, съ пороками, составляющими потомъ проклетіе для потомства“. Страшная дороговизна и нужда, какъ продуктъ экономическихъ условій, толкаетъ женщину на улицу, потому что она никакъ не можетъ прожить въ Берлинѣ на 30 марокъ, а общество не только не обращаетъ на это вниманія, но даже пользуется этимъ для удовлетворенія своихъ страстей, и потомъ отвертывается, какъ фарисей, отъ падшей. И вотъ, обращаясь къ обществу, референтка спрашиваетъ: „господа! приходилось-ли вамъ голодать, были-ли у васъ ночи, когда вамъ негдѣ было приклонить голову? По референтка не отчаивается, не смотря на тяжкія условія, что скоро придетъ время, когда въ сознаніи человѣчества выростетъ новое воззрѣніе, которое не допуститъ смотрѣть на женщину какъ на куклу, а какъ на товарища, и рисуетъ стремящуюся къ свѣту и знанію, сильную и свѣдущую женщину.

Изъ массы другихъ докладовъ выдѣляется еще докладъ о положеніи женщины работницы. Этотъ докладъ съ такой правдивостью обрисовалъ положеніе этихъ труженицъ, съ такой ясностью представилъ ихъ тяжкую долю, что произвелъ глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, быть можетъ, въ первый разъ узнавшихъ, что существуетъ такая безвыходная нужда. Эти труженицы получаютъ лишь какъ разъ столько, чтобы имѣть въ качествѣ ежедневной пищи хлѣбъ и жидкій кофе. А между тѣмъ сотни тысячъ ихъ ежедневно

выталкиваются нуждой на рынокъ, въ фабрики и мастерскія, чтобы рано состарѣться отъ непосильнаго труда. Омѣрахъ борьбы съ этимъ явленіемъ путемъ общественной благотворительности уже и не говорилось; общее желаніе всѣхъ было—зывать къ правительству о разширеніи рабочаго законодательства, о страхованіи рабочихъ и учрежденіи женскаго инспектората для прекращенія хотя бы ужъ самой вопіющей нужды ¹⁾.—Результатомъ женскаго международнаго конгресса въ Берлинѣ было то, что теперь нѣмецкія женщины обнаруживаютъ энергичную дѣятельность почти во всѣхъ областяхъ, прамыкающихъ къ сферѣ женскаго труда и образованія. Не смотря на противодѣйствіе ректора университета, въ нынѣшнемъ году посѣщаютъ университетъ вдвое больше женщинъ, чѣмъ въ прошломъ; увеличивается число ученицъ въ женской гимназій съ древними языками, возникаютъ такія же гимназій въ провинціи, чтобы давать соотвѣтствующую подготовку къ университету. Еще замѣтнѣе сказывается это вліяніе—въ дѣятельности берлинскихъ женщинъ въ общественной жизни. Женщины добились нынѣшній годъ допущенія къ участию въ общественномъ призрѣніи и въ фабричной инспекціи въ качествѣ женщинъ инспектриссъ. Въ первомъ случаѣ, конечно, ничего не можетъ быть похвальнѣе и симпатичнѣе желанія женщинъ взять на себя обязанность члена комиссіи призрѣнія бѣдныхъ ²⁾. Для цѣлей же общественнаго призрѣнія ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ участіе интеллигентной женщины въ раздачѣ пособій и облегченіи нищеты, среди которой больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Также ничего не можетъ быть желательнѣе и въ сферѣ фабричной, гдѣ работаютъ женщины и дѣти, участія женщинъ. У ра-

¹⁾ Какъ тяжело положеніе женщинъ—работницъ въ Берлинѣ, это обнаружилось во время общей стачки этихъ женщинъ. Лучшіе нѣмецкіе писатели, познакомившись съ положеніемъ дѣла, писали: „содрогается сердце, когда вы узнаете, въ какіхъ условіяхъ живутъ десятки тысячъ дѣвушекъ, желающихъ оставаться честными, но которыхъ нужда толкаетъ на улицу“ Они зывали къ обществу, что его долгъ поддержать труженицъ, и общество отнеслось именно такъ. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, побѣда осталась на сторонѣ работницъ.

²⁾ На общественное призрѣніе бѣдныхъ, Берлинъ тратитъ ежегодно 9 милліоновъ марокъ. Ближайшими посредниками между бѣдняками и гордомъ и являются члены „Armenkommissionen“.

ботницы бываютъ нужды и жалобы, которыхъ она не сообщаетъ мужинѣ инспектору, и интеллигентная женщина, въ роли фабричнаго инспектора, можетъ сдѣлать много добра ¹⁾.

Весьма интересна здѣсь отзывчивость общества на все, что составляетъ злобу дня, открытія въ области научной или технической. Причина этому—гласность и свобода печати. Въ одномъ Берлинѣ число разныхъ печатныхъ органовъ поразительно велико, а потому всякое явленіе жизни: касается-ли оно ненормальныхъ сторонъ ея, или-же ея успѣховъ, тотчасъ находитъ свою оцѣнку въ печати. Всеобщее образованіе и популяризація знаній газетами въ слояхъ народа дѣлаютъ то, что ни одно явленіе, чѣмъ-либо замѣтное, не проходитъ, не отражаясь въ обществѣ. Чтобы оцѣнить роль прессы, достаточно привести компетентнаго свидѣтеля: Императоръ Вильгельмъ II, приглашая къ себѣ по телеграфу профессора Рентгена, выразился, что „узналъ изъ газетъ“ о замѣчательномъ открытіи и поинтересовался ближе съ нимъ ознакомиться. Милліоны людей не имѣли-бы понятія о такихъ вещахъ, если бы не было газетъ, а, при помощи ихъ, тѣ-же милліоны и съ тѣмъ-же самымъ открытіемъ были знакомы чуть не черезъ день,—и кондукторъ на конкѣ, кельнеръ—въ ресторанахъ, рабочій—въ мастерскихъ уже разсуждали о лучахъ вюрцбургскаго профессора. При всемъ этомъ, газета вполне доступна даже простому рабочему: за 45 копѣекъ онъ получаетъ ее ежедневно два раза—утромъ и вечеромъ, за 25 к. однажды. Быть можетъ, это вліяетъ на то, что здѣсь большій спросъ на газеты, чѣмъ на книги: книга здѣсь дорога: она не по карману средней руки человѣку, и онъ предпочитаетъ газету, изъ которой знакомится со всѣми отраслями жизни, а книгу

¹⁾ Не мало интересовалъ здѣшнее общество и конгрессъ психологовъ въ Мюнхенѣ, съ докладами котораго берлинское общество знакомилось по обстоятельнымъ отчетамъ. Всеобщій интересъ возбуждали доклады Берлинскаго Проф. Штумфа „объ отношеніи психическихъ и физическихъ явленій души и тѣла“, Рише—„О сущности боли и значеніи страданій въ жизни человѣка“, Д-р. Оббингауза „о новомъ способѣ опредѣленія умственныхъ способностей“, проф. Линнеа „Понятіе безсознательнаго въ психологій“ и Ф. Брентано „Ученіе объ ощущеніяхъ“. Труды съезда, гдѣ помѣщены эти доклады, уже выйдутъ въ печати.

предпочитаетъ взять въ библіотекѣ, изъ которой онъ можетъ получать любую книгу за двадцатикопѣечный мѣсячный взносъ ¹⁾. Газета несетъ читателю свѣдѣнія о всемъ: о конгрессахъ, которые собираются въ Германіи такъ часто, о выдающихся научныхъ изслѣдованіяхъ, открытіяхъ и трудахъ, объ явленіяхъ жизни общественной и политической—и читатель всегда въ курсѣ дѣла. Поднимается-ли вопросъ о нуждахъ народа, о нуждахъ разныхъ служащихъ, о возмутительныхъ явленіяхъ въ жизни—это все достояніе общества, которое, будучи знакомо со всѣми деталями дѣла, высказываетъ свой голосъ, который находитъ откликъ въ рейхстагѣ, представляющемъ народную волю на видъ правительству. Притомъ общество нисколько не старается скрыть неблаговидныя дѣйствія правительственныхъ лицъ: оно обличаетъ ихъ въ печати, выставляетъ для общаго свѣдѣнія ихъ поступки, не придерживаясь пословицы, что „соръ изъ избы выносить не слѣдуетъ“. Этимъ путемъ правительственные органы и лица постоянно находятся въ законныхъ предѣлахъ власти и удерживаются отъ произвола. Нужно видѣть какой взрывъ негодованія вызываетъ опубликованіе неблаговидныхъ поступковъ, несогласныхъ съ культурой 19-го вѣка, чтобы судить объ отзывчивости общества на все доброе. Для примѣра можно указать на культурътрегеровъ нѣмецкихъ колоній Лейста, Велана и Петерса. Ихъ поступки были признаны за мерзость, общество, въ лицѣ своихъ депутатовъ, признало, что эти поступки несовмѣстимы съ званіемъ христіанина, что вмѣсто культуры они несутъ варварство, что они позорятъ нѣмецкое имя. Не менѣе характеризуетъ это и отношеніе общества къ процессу окружнаго комиссара въ польскомъ городкѣ Опаленицѣ, когда даже консерваторы заявили, что имъ стыдно за нѣмецкое имя, такъ позорны продѣлки мѣстной администраціи, что они глубоко убѣждены, что всякій патріотъ—публицистъ оказываетъ услугу своему отечеству, выступая противъ произвола администраціи и тре-

¹⁾ Самый способъ распространенія книгъ здѣсь иной, чѣмъ у насъ. Здѣсь въ широкомъ ходу разсрочка платежа за книгу: за 20 пфениговъ ежемѣсячной платы можно имѣть любую книгу. Это даетъ возможность самымъ бѣднымъ людямъ приобрести безъ труда ту книгу, которая ихъ интересуетъ

буя, чтобы въ человѣкѣ каждой національности уважали свободную личность. И правительство принуждено было подвергнуть наказаніямъ этихъ лицъ и смѣстить съ должностей. Но это еще не самое суровое наказаніе для нихъ, — болѣе суровое наказаніе для нихъ явилось изъ общества, которое подвергло ихъ остракизму и изгнало изъ среды порядочныхъ людей. Той-же отзывчивости общества обязанъ и новый законъ о дуэляхъ, учредившій судъ чести для офицеровъ, и разсматривающійся новый уставъ военныхъ судовъ, по образцу гражданскихъ съ полной гласностью процесса. Вообще, стремленіе здѣшняго общества выработать по возможности культурныя, сираведливыя и честныя начала жизни—довольно замѣтно. Общество стремится внести въ жизнь начала правды и свѣта и дѣятельно борется со всѣмъ, что нарушаетъ эти начала.

Весьма замѣтенъ также ростъ германской промышленности и усовершенствованій въ области техники. Если десять лѣтъ тому назадъ объ этой области высказывалось сужденіе „billig und schlecht“ (дешево и гнило), если англійскіе товары и машины считались лучшими, мастера самыми искусными, а магазины самыми шикарными, то это теперь отошло въ область преданій. Англійскій магазинъ теперь рѣдкость въ Берлинѣ, такая же рѣдкость и англійскій техникъ. Нѣмцы освободились отъ иностранной опеки и далеко превзошли своихъ опекуновъ. По изяществу выдѣлки, по прочности и усовершенствованіямъ нѣмецкія произведенія стоятъ внѣ конкуренціи съ англійскими, съ чѣмъ соглашаются и сами англичане, заказывающіе теперь даже нѣкоторыя машины у нѣмцевъ, съ чѣмъ ранѣе нѣмцы не смѣли и конкурировать. Такой ростъ нѣмецкой промышленности не случайный: онъ зависитъ отъ той постановки дѣла, какая здѣсь дана промышленнымъ отраслямъ. Фактъ этотъ находится въ связи съ замѣчательной чертою развитія химической технологии въ Германіи,—чертою, на которой зиждется въ этой странѣ высокое состояніе промышленности. На всякомъ крупномъ заводѣ въ Германіи большая часть его ученыхъ силъ, а на нѣкоторыхъ заводахъ такихъ лицъ сотня и болѣе, занята не управленіемъ завода, а изысканіями и изобрѣтеніями. Заводская лабораторія отличается отъ университетской лишь большей полнотой

и роскошью обстановки. На заводахъ часто встрѣчаются люди, которые нѣсколько лѣтъ работаютъ безъуспѣшно, но, если они считаются выдающимися по способностямъ, ихъ держатъ на заводѣ, и, вслѣдствіе этого, почти всегда достигается успѣхъ, покрывающій прежніе убытки. Чрезвычайно большое значеніе имѣеть и то, что въ Германіи владѣльцы крупныхъ мануфактуръ хорошо сознаютъ связь между практическою пригодностью человѣка и теоретическою, чисто научною подготовкой его. Практики безусловно вѣрятъ въ полезность чисто теоретическихъ изслѣдованій. Это пониманіе владѣльцами промышленныхъ учреждений значенія въ коммерческомъ дѣлѣ науки, располагаетъ ученыхъ содѣйствовать ихъ успѣху. Ученый всегда увѣренъ, что если ему понадобятся при изслѣдованіи такія техническія приспособленія, которыя есть только на фабрикѣ, то онъ совершенно свободно, безъ отказа, получить доступъ къ нимъ; также увѣренъ всегда и фабрикантъ, что, если ему въ отрасли его промышленности нужно произвести изслѣдованія по практическому примѣненію нѣкоторыхъ научныхъ пріемовъ, онъ всегда найдетъ поддержку въ ученомъ. Это сознаніе взаимной поддержки и общности интересовъ ставитъ нѣмецкую науку и нѣмецкую промышленность внѣ конкуренціи. При взаимныхъ услугахъ, онѣ быстро развиваются, вырабатываютъ новые пріемы, совершенствуютъ все, что служитъ къ ихъ успѣхамъ. Этотъ быстрый ростъ науки и развитія промышленности привелъ нѣмецкихъ ученыхъ, въ виду приближающагося конца 19-го столѣтія, въ мысли обзрѣть все, что дало это столѣтіе нѣмецкой націи и какъ отразилось въ ея жизни. Съ этой цѣлью будетъ издана цѣлая серія изслѣдованій подъ заглавіемъ: „Девятнадцатое столѣтіе въ исторіи развитія Германіи“. Сюда войдутъ: исторія культурнаго развитія въ связи съ соціальными стремленіями, политическая исторія 19-го вѣка, исторія германской литературы, театра, музыки, исторія развитія естественныхъ наукъ и исторія развитія техники. Въ этомъ трудѣ принимаютъ участіе выдающіеся ученые Германіи и онъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ. Все изданіе займетъ до 18-ти томовъ и будетъ украшено портретами, иллюстраціями и гравюрами.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о внѣшнемъ порядкѣ въ

БерлинѢ. Прежде всего—полиція! Какъ назвать ее: суровой ли мачихой пѣмецкой цивилизаціи или ея охранительницей? Сказать трудно; одно лишь несомнѣнно, что Пруссія и полиція неразрывно связаны другъ съ другомъ. Всякій недолго пожившій въ БерлинѢ, убѣдится въ этомъ: повсюду полиція, пѣшая и кошная. Идешь лѣтомъ среди чуднаго Тиргартена: тишина, свѣжій и пріятный воздухъ, пѣніе птицъ на деревьяхъ, масса перелетныхъ птицъ на прудахъ до лебедя включительно, изрѣдка пробѣгающіе зайцы и бѣлки: всецѣло наслаждаешься покоемъ и чувствуешь себя далекимъ отъ всего тревожнаго—и вдругъ раздается топотъ, невольно оглядываешься: пара полицейскихъ мчатся галопомъ. На всѣхъ улицахъ, гдѣ особенно сильно движеніе, видны конныя фигуры полицейскихъ—одинъ противъ друга по самой серединѢ улицы,—раздѣляющихъ движеніе экипажей и пѣшеходовъ на ѣдущихъ и идущихъ впередъ и возвращающихся. Эти неподвижныя, какъ-бы статуи командора изъ Донъ-Жуана, черныя фигуры даже не лишены эстетичности, когда они однимъ взглядомъ, однимъ выраженіемъ лица, не повертывая даже головы, призываютъ къ неизмѣнному порядку, безъ всякаго шума, безъ всякаго насилия и произвола. Эти brave люди, недостаточно вознаграждаемые, исполненные чувства долга, представляютъ изъ себя въ миниатюрѢ прусскую государственную власть. Энергично, спокойно и стойко они подвергаются на своемъ посту дождю и непогодѢ; они окружены толпой—и все же властвуютъ надъ ней своимъ авторитетомъ. Содержаніе ихъ скудно, бѣдно, но они прусскіе чиновники, а потому преисполнены этой честью и строго соблюдаютъ ее въ отягаченіи своей службы. Это дѣйствуетъ очень благопріятно на народъ: онъ видитъ предъ собой не послабленія, не заигрыванія и продажность, но строгую справедливость и законность, заставляющія видѣть въ этомъ представителя прусскаго начала человѣка, честно стоящаго на стражѢ правъ каждаго. Просто изумительно видѣть, какъ дисциплинированъ этотъ прусскій стражъ общественнаго порядка! Онъ не знаетъ и не понимаетъ, что такое кулачная расправа, не знаетъ и что такое гнѣвъ: все это у него покрывается чувствомъ долга. Съ нарушителемъ порядка онъ ведетъ себя также просто и естественно, какъ и со всѣми: онъ

запишетъ лишь его адресъ, а наказаніе за проступокъ послѣдуетъ уже отъ суда. Пруссакъ-полицейскій, пруссакъ-пожарный, пруссакъ-кондукторъ — это показная сторона прусскаго величія. Стоило посмотрѣть въ пруссака-пожарнаго въ періодъ поджоговъ въ Берлинѣ (въ январѣ—февралѣ 1896 г.), чтобы сказать, что эти служаки оказываютъ чудеса гражданской доблести, проявляютъ чисто спартацкую черту прусскаго характера. У насъ эти поджоги вызвали бы панику въ населеніи, а здѣсь ничего подобнаго. Общество такъ увѣрено въ своихъ пожарныхъ, что разъ они прибыли, — а они прибываютъ не позднѣе 3—5 минутъ, — оно считаетъ себя внѣ опасности, и ни одинъ квартирантъ не подумаетъ выносить свои пожитки, не смотря на то, что пожаръ надъ его головой. Въ этомъ случаѣ, Пруссія дисциплинировала своихъ малыхъ чиновниковъ, сѣумѣла заставить ихъ властвовать въ своей роли и соединила ихъ тѣсной связью съ обществомъ — вѣрой, что они лишь защитники порядка, охранители спокойствія и безопасности общества отъ дурныхъ элементовъ.

Этимъ можно закончить наши замѣтки о жизни въ Берлинѣ. Онѣ не претендуютъ дать цѣлое и подробное описаніе германской столицы, но представляютъ лишь рядъ замѣтокъ для обрисовки разныхъ сторонъ внѣшней и внутренней жизни этого города. Эти замѣтки есть только невольныя наблюденія жизни, а потому въ нихъ нельзя найти строгой системы, но думается, что онѣ справедливы, по возможности, безпристрастны и изображаютъ то, что есть въ дѣйствительности.

Н. Цисаревскій.
